

УДК 821.161.1:2-674(470)

ЛЕЙЛА МИРЗОЕВА

(Баку, Азербайджан)

ПРОБЛЕМА РЕЛИГИОЗНОГО КОНФЛИКТА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (ОТ ДРЕВНЕЙ РУСИ ДО НОВОГО ВРЕМЕНИ)

Ключові слова: конфлікт, трансформація, особистісний початок, релігійний архетип, обскурантизм.

Конфликт издавна являлся выражением противоречий в произведении. Так, религиозный конфликт имел место еще в ряде давних произведений: «Повесть о Горе-злосчастии», «Житие Протопопа Аввакума» и др., однако со временем он постоянно трансформировался и свое новое отражение нашел в произведениях более позднего периода, в частности, в трилогии Д. Мережковского «Христос и Антихрист».

Предмет нашего исследования – произведения древнерусской литературы, «Повесть о Горе-злосчастии», «Житие Протопопа Аввакума» и др., а также «Христос и Антихрист» Д. Мережковского. Объектом работы является трансформация религиозного аспекта в указанных произведениях.

Таким образом, цель данной статьи – изучение проблемы религиозного конфликта в произведениях русской литературы различных периодов.

«Конфликт (лат. *conflictus* – столкновение, разногласие, спор) – специфически художественная форма отражения противоречий в жизни людей, воспроизведение в искусстве острого столкновения противоположных человеческих поступков, взглядов, чувств, стремлений, страстей» [1, с. 345].

Специфическим содержанием конфликта является борьба между прекрасным, возвышенным и безобразным, низменным. Конфликт в литературе является основой художественной формы произведения, развития его сюжета. Конфликт и его разрешение зависит от концепции произведения.

Поэтический мир во всей его полноте – с пространственно-временными параметрами, народонаселением, стихиями природы и общественными явлениями, действиями, высказываниями и переживаниями персонажей, авторским сознанием и прочее – существует не как беспорядочное нагромождение составляющих элементов, а как стройное, художественно целесообразное пространство, в котором можно и должно выделить некий организующий стержень. Таким универсальным стержнем, если любое системное явление вслед за античными мыслителями рассматривать как диалектическое единство (борьбу) противоположностей, принято считать коллизию или конфликт.

Оба функционирующих в литературоведении термина происходят от латинских синонимов *collisio*, *conflictus* (столкновение, противоречие). Разница в их значении и назначении малоощутима и трактуется разными исследователями по-своему [1]. Одни считают первое понятие более широким, поглощающим второе, имеющее открытый, откровенно антагонистический и, следовательно, эстетически менее специфический характер, а потому пригодное скорее для обозначения реальных политических, социальных, идеологических противоречий, отразившихся в художественном произведении; другие – наоборот. В последнее время, хотя значение обоих понятий практически нивелировалось, в терминологическом плане предпочтительнее всё же считается конфликт.

Начало процесса трансформации мировоззрения социума древней Руси в смысле зарождения в недрах общественного самосознания – способности осмысления неповторимой ценности личности – нашло свое отражение в «Повести о Горе-Злосчастии» (XVII в). Это явление Д. Лихачев называет «персонализацией литературного героя». «Интерес к личности человека, который пробивался в отдельных случаях на протяжении всех веков и стал доминирующей чертой литературы XVII в., очень важен в литературном развитии» [2, с. 26]. Почти всю семисотлетнюю литературу Макогоненко называет «безличностной литературой». «Феодалной идеологии и религиозному сознанию, господствовавшим в те века, чуждо представление о человеке как личности» [4, с. 5].

Эта новая ступень в мировоззрении социума есть начало грандиозного процесса сдвига в общественном самосознании. Трансформация психологии социума приводит к тому, что вместо средневекового максимализма восприятия (людей – плохими или хорошими, благочестивыми или грешными) постепенно возникает понимание внесловной ценности человека, признание личности как неповторимой и сложной индивидуальности. Человек уже тем хорош, что он творение Божье, и ценен вне зависимости от своего общественного и материального статуса.

Основная идея «Повести...» в том, что именно неимущий человек настоящему свободен и счастлив. Юноша, по собственной нерадивости лишившийся состояния и уже оказавшийся на грани жизни и смерти, вдруг осознает, что

*Когда у меня нет ничего,
и тужить мне не о чем!» [6].*

Уразумев эту истину, запел молодец «хорошую напевочку» [6]. И нашлись сразу добрые люди, которые помогли попавшему в беду молодцу, наставили его на разумные действия. Автор «Повести...» явно на стороне своего обездоленного героя. «Человеческая личность ценна сама по себе. Эта мысль еще робко пробивается в литературе, но уже знаменует собой новый подход к явлениям» [2, с. 25].

Однако, несмотря на нашедшую отражение в повести данную просветительскую тенденцию, социально-чувственное умонастроение (с преобладанием религиозных чувств) имеет в общественном мировосприятии еще доминирующее значение. Когда «Горе-Злосчастие» продолжает преследовать незадачливого юношу («Не на час я к тебе, Горе злосчастное, привязалось!») [6], то единственный путь к избавлению от него автор видит в пострижении героя в монахи, в его уходе в монастырь.

*Спамятует молодец спасенный путь,
и оттоле молодец в монастырь пошел постригаться,
а Горе у святых ворот остается,
к молодцу впредь не привяжетца! [6].*

Итак, явление общественно-мировоззренческой трансформации (XVII в.) утверждает совершенно новый взгляд на человека. В нем признается и придается высокой оценке его личностное начало, неповторимая и уникальная индивидуальность. В Средневековье «человек был по преимуществу частью иерархического устройства общества и мира» [2, с. 22]. Теперь же в литературе утверждается иной идейно-художественный идеал. «Жизненные наблюдения, вызванные вниманием к отдельному человеку в его человеческой сущности, разрушали средневековую систему литературы...» [2, с. 22].

Однако утверждение гуманистических идеалов сопровождалось глубокими социальными и религиозными конфликтами.

«Житие протопопа Аввакума» создано в 1673 году. «Впервые в русской литературе судьба человека получила такое полное и многогранное, лирически окрашенное изображение» [2, с. 783]. Однако идея торжества личностного начала в произведении находит свое воплощение на фоне извращения религиозных гуманистических идеалов.

В основу произведения положены драматические события в истории православной церкви, когда реформа патриарха Никона при царе Алексее Михайловиче, направленная на замену русских церковных обрядов греческими, привела к непримиримому конфликту между приверженцами старых традиций (староверы) и новых реформ. Одной из многочисленных жертв этого конфликта стал протопоп Аввакум.

Аввакум был сельским священником, который решительно противостоял никоновским новшествам. Вся его жизнь – это гонения и мучения, которые он стоически, словно апостол, переносил во имя Христа. Его и «волочили» в церковь, чтобы «патриарху» покорился, и «за волосы драли», но он не признавал «ересь никонову», и «в тюрьму» кидали, и «в студеной палатке» неделями держали и т.д. [6]. За всю свою бунтарскую жизнь Аввакум был сослан и в Сибирь (с семьей на одиннадцать лет), и в Мезень, затем уже навсегда – в Пустозерск. Здесь, в тюрьме, и было написано его «Житие...».

Убиваем во имя Бога... Это жуткое, парадоксальное явление в истории трансформации религиозного архетипа уже знакомо нам по событиям наиболее трагических периодов развития стран Запада и Востока... Торжество «злого начала» достигает здесь своего апогея, когда именем самой Святой Истины чинятся самые нечестивые деяния. В «Житии протопопа Аввакума» конфликт между идеей и ее воплощением (то есть трансформации положительной идеи в самое отрицательное проявление) нашел свое очень яркое воплощение. Приведем пример: «...Таже, братию казня, а меня не казня, сослали в Пустозерье. (...) По сем Лазаря священника взяли, и язык весь вырезали из горла; (...) таже, положи правую руку на плаху, по запястье отсекли (...)» [6]. Та же участь постигла и инока-схимника Епифания, и дьякона Феодора. «И прочих наших в Москве жарили да пекли» [6]. И так далее, с натуралистическими подробностями, обусловленными правдивостью человека, лично видевшего и испытывавшего на себе беды.

Взывающий к справедливости Аввакум восклицает: «...огнем, кнутом да виселицею хотят веру утвердить! Которые-то апостоли научили так? (...) Мой Христос не приказал нашим апостолам так учить...» [6].

Аввакум так и умер убежденным старовером. Помогая больным и одержимым, он был крепко уверен в одной истине: «...и Бог совершенно исцеляет по своему человеколюбию» [6]. И еще: «Бог благословит: мучься за сложение перьст...» [6].

Так религиозный фанатизм, вытекающий из неверного понимания истинных духовных ценностей, способствовал извращению самых что ни на есть возвышенных идеалов, породил произвол наиболее низменных человеческих чувств и порывов. С верой провозглашая Бога Единым, люди, тем не менее, пытались разделить Его на множество частей... В этой кровавой схватке забывались исконные религиозные гуманистические идеи, тот непогрешимый эталон, к которому велел стремиться Всевышний...

Невежество и мракобесие, жестокость и бездуховность, обскурантизм и самовластие – через такую тяжелую фазу проходит история трансформации религиозного мировоззрения социума Руси (как на Западе и Ближнем Востоке).

В заключительном романе трилогии Д. Мережковского «Христос и Антихрист» – «Антихрист (Петр и Алексей)» – жуткий «карнавал», который разыгрывается на обломках истинной веры и благочестия – он и реален, и символичен, он и кошунственен, и умопомрачителен.

Петр I, гениальный государь и великий реформатор, учредил вдруг для своей забавы так называемый Всепьяннейший Собор с «князем-папой» во главе.

Истинный смысл карнаваловых действий, в котором принимают участие «шутовские» столпы церкви, содержит в себе вполне четкую аллюзию на столпы церкви реальных, которые в действительности выполняют ту же шутовскую, нелепую, трагикомическую роль.

Новаторские реформы с трудом приживаются в мутном «омуте» заостренных, неподвижных, невежественных умов, порождая, тем самым, серьезный социальный конфликт. Страна сопротивляется: от князей до крестьян, от патриарха до дьячков. Не обошлось без суровых, по отношению к народу, мер, которыми отмечено правление Петра I. У Д. Мережковского – это образ личности одиозной, харизматической, вместе с тем, крайне жестокой: «В то время как царь пировал в хоромах, выходивших окнами на площадь, ближние бояре, шуты и любимцы рубили головы. Недовольный их работою – руки неумелых палачей дрожали – царь велел привести к столу, за которым пировал, двадцать осужденных и тут же казнил их собственноручно под заздравные клики, под звуки музыки...» [5, с. 368].

Особенно отрицательно выглядит в романе Петр в своем трагическом конфликте с сыном Алексеем: он непримирим и жесток, он неумолим и кровожаден. В изображении Д. Мережковского Петр – это Антихрист во плоти, который ради своих великих идей переступает через смерть собственного сына...

Однако, несомненно, личность Петра I изображена в романе достаточно субъективно, а образ царевича Алексея немало идеализирован. Как пишет Е. Любимова, «взгляд Мережковского на Петра грешит односторонностью» [3, с. 762]. Вся долголетняя жизнь и деятельность Петра была направлена на преобразование своей страны и просвещение своего народа. Вся недолгая жизнь его сына Алексея была посвящена попыткам учинения всяческих препятствий прогрессивной деятельности своего отца. Алексею и ловко использовавшим царевича в своих целях сподвижникам желанно было возвращение старой Руси. Даже Д. Мережковский в одном из эпизодов романа называет Алексея «призраком старой Москвы» [5, с. 624].

Однако призраки бестелесны, а все старое – потому и старое, что новое уже есть. «Мрак» Средневековья навсегда уходит в прошлое, уступая место «яркому свету» Просвещения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Літературознавчий словник-довідник / [уклад. Р. Т. Гром'як, Ю. І. Ковалів та ін.]. – К. : Академія, 1997. – 752 с.
2. Лихачев Д. Первые семьсот лет русской литературы / Д. Лихачев // Изборник : сборник произв. лит. Древней Руси. – М. : Худож. лит., 1969. – С. 5–26. – (Библиотека всемирной литературы. Т. 15).
3. Любимова Е. Трилогия «Христос и Антихрист» / Е. Любимова // Собр. соч. : в 4 т. / Д. С. Мережковский. – М. : Правда, 1990. – Т. 2. – С. 760–764.

4. Макогоненко Г. Русская поэзия XVIII века / Г. Макогоненко // Русская поэзия XVIII века. – М. : Худож. лит., 1972. – С. 5–61. – (Библиотека всемирной литературы. Т. 57).

5. Мережковский Д. «Христос и Антихрист». / Д. Мережковский. – К. : Дніпро, 1992. – 1354 с.

6. Сайт «Русская литература» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://ruslit.info/history/2010-03-02-21-58-26.html>

ЛЕЙЛА МИРЗОЕВА

ПРОБЛЕМА РЕЛИГИОЗНОГО КОНФЛИКТА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ (ОТ ДРЕВНЕЙ РУСИ ДО НОВОГО ВРЕМЕНИ)

В статье рассматривается начало процесса трансформации мировоззрения социума древней Руси, которое нашло свое отражение в «Повести о Горе-Злосчастии», «Житии протопопа Аввакума». Автор акцентирует внимание на том, что явление общественно-мировоззренческой трансформации утверждает совершенно новый взгляд на человека, который отразился в произведениях не только XVII в., но и XVIII-XX вв. В частности, автор обращается к трилогии Д. Мережковского «Христос и Антихрист».

Ключевые слова: конфликт, трансформация, личностное начало, религиозный архетип, обскурантизм.

LEILA MIRZOYEVA

THE PROBLEM OF RELIGIOUS CONFLICT IN THE RUSSIAN LITERATURE (FROM ANCIENT RUSSIA TO NEW TIME)

The article deals with the beginning of the transformation of society world of ancient Russia, which is represented in «Tale of Woe and Misfortune», «Life of Avvakum». The author pays attention to the phenomenon of social and ideological transformation of the states an entirely new view of man, which was reflected in the works not only in the XVIIth , but in the XVIII-XXth centuries as well. In particular, the author uses the trilogy «Christ and Antichrist» by D. Merezhkovsky.

Key words: conflict, transformation, personal principle, religious archetype, obscurantism.

Одержано 14.02.2012 р.